

«ОЗЕРНАЯ ШКОЛА» ПОЭЗИИ И СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЧЕСКОГО КАНОНА

Исследуется влияние творчества выдающихся представителей «Озерной школы» поэзии на зарождение и развитие романтической традиции в английской литературе первой трети XIX века. Рассмотрены причины, не позволившие критикам той эпохи охарактеризовать литературу Нового времени «романтической».

«Озерная школа», романтическая поэзия, новая поэтическая система, литературная критика.

О своеобразии английского романтизма сказано немало. Но даже сегодня ответить на вопрос, каким образом литературоведам удалось объединить ярко индивидуальных и непохожих поэтов той эпохи – Д. Вордсворта, С.Т. Колриджа, Дж.Г. Байрона, П.Б. Шелли и Дж. Китса – под общим названием «английские романтики», представляется делом весьма затруднительным. Известно, что указанные поэты «романтиками» себя не называли и никогда не считались представителями единой «школы». Да и термины «романтическая поэзия» и «романтическое движение» были введены в обращение гораздо позже¹. В литературных баталиях вокруг сборника «Лирические баллады», возвестивших миру о новой школе, слово «романтический» не фигурировало. Так была ли провозглашенная Вордсвортом и Колриджем революция романтической?

Рассмотрим процесс формирования и становления романтической традиции в Англии в первой трети XIX века, обратившись к литературной журналистике того времени. Как справедливо отмечает Д. Рейман, английские романтики испытали на себе наиболее сильное влияние журналистской критики, чем какая-либо другая группа писателей за всю историю англоязычной литературы². Поэтому изучение общей тональности журнальных отзывов и историко-культурного контекста, в котором происходило зарождение и становление идей о литературе, приобретает особый смысл для целей нашего исследования.

В эпоху бурных общественных катаклизмов и политической нестабильности, вызванных последствиями Французской буржуазной революции, наверное, было неизбежно, что любые революционные изменения, происходящие в Англии на рубеже XVIII–XIX веков, даже такие отдаленные от политики, как поэтическая реформа Вордсворта и Колриджа, напрямую ассоциировалась с дру-

¹ Халтрин-Халтурина Е.В. Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма. Романтические суждения о воображении и художественная поэтика. М. : Наука, 2009. С. 280–281.

² Reiman D. The Romantics Reviewed: Contemporary Reviews of British Romantic Writers / ed. by D.H. Reiman. Part A: The Lake Poets : in 2 vols. N.Y. ; L. : Garland Publishing, Inc., 1972. Vol. 1. P. XXXVII.

гими видами национальных волнений. Саути и Колриджа окрестили «якобинцами» еще в конце 1790-х, и в обличительных статьях на страницах журнала «Антиякобинец» к их именам добавились «Лойд, Лэм и Ко», хотя это название и не прижилось. Придумать политический ярлык Вордсворту оказалось намного сложнее.

Откуда же возник термин «романтическая поэзия» и почему критикам начала XIX века не удавалось подобрать специфический термин, чтобы охарактеризовать исторические изменения в английском литературном стиле?

Одна из главных причин заключается в пристальном, пристрастном и ослабевающем интересе критиков к эстетической программе Вордсворта, обнаруженной в предисловии к «Лирическим балладам» в 1800 году, которая рассматривалась исключительно как политический манифест. Это отношение критиков привело к тому, что мнение о поэзии Вордсворта (считавшегося главой «Озерной школы») распространилось и на остальных членов школы – С.Т. Колриджа и Р. Саути, обособив тем самым литературные искания поэтов-лейкистов не только от творчества современников – В. Скотта, Т. Кэмбелла, Т. Мура, но и от романтиков младшего поколения – Дж. Байрона, П.Б. Шелли и Дж. Китса.

Сам факт того, что с публикацией «Лирических баллад» Вордсворт и Колридж осуществили революцию в поэзии, был открыто признан критиками только годы спустя, когда в журнальной публицистике уже были задействованы мощные оппозиционные силы, а поэты-революционеры благополучно дискредитированы. В октябре 1817 года Джон Уилсон («Кристофер Норт»), пытаясь исправить ущерб, нанесенный творческой репутации Вордсворта Френсисом Джефффри, написал в «Блэквудс мэгэзин»: «М-р Вордсворт – человек слишком мощного таланта, поэтому он часто допускал в своем творчестве ошибки; удивительно, что прилагая гигантские усилия основать новую систему (даже, предположив, что эта система была правильной), он никогда не нарушал принципы вкуса и разума. [Вордсворт] вызвал в поэзии *революцию*, а революция в Поэзии, как и в Конституции, не может пройти без разрушения или ломки многих проверенных временем институтов. У меня не возникает сомнений в том, что <...> потомки будут называть его регенератором и создателем»³.

Четыре года спустя, племянник С.Т. Колриджа, Г.Н. Колридж, писал: «В том, что именно Колриджу и Вордсворту современной литература, философия и критика обязаны своим особым характером и великолепием, таким непохожим на стиль предшествующего века, не возникает сомнений, если обернуться на 30 лет назад и проследить истоки современных воззрений»⁴. Однако в первые двадцать лет сразу после выхода в свет «Лирических баллад», руководство влиятельных журналов призывало критиков пользоваться политическими аналогиями даже в области литературы и считать каждого писателя членом определенной партии или «школы», которые в свою очередь должны были рассматриваться как враж-

³ Wilson J. Some Observations on the 'Biographia Literaria' of S.T. Coleridge, Esq. – 1817. Blackwood's Edinburgh Magazine, II (Oct. 1817) // The Romantics Reviewed: Contemporary Reviews of British Romantic Writers / ed. by D.H. Reinman. N.Y. ; L. : Garland Publishing, 1972. Inc. Vol. 1. P. 63.

⁴ Coleridge: The Critical Heritage / ed. by J.R. de J. Jackson. L. ; N.Y., 1960. P. 469.

дующие между собой. Таким образом, современники Вордсворта, Колриджа, Байрона, Шелли и Китса не хотели видеть или, по крайней мере, признавать некие сходства в их творчестве, которые впоследствии дали возможность историкам литературы объединить этих поэтов под общим названием «поэты-романтики», что предполагало их принадлежность к одной «школе» или, точнее, к одному литературному направлению.

Эпоха, в которую жили поэты, была пропитана духом революции, а революция таила в себе угрозу для национальной безопасности страны и поощрять бунтарские настроения было опасно. Поэтому обозреватели с утомительной назойливостью вторили о «слезливом жеманстве», «ребяческой наивности» и «детском лепете» в поэзии Вордсворта и Колриджа. Именно эти характерные особенности поэзии лейкистов критики избрали для злобных насмешек и пасквилей, снисходительного сарказма и враждебных личных оскорблений. В этом вопросе между журналистами не было никакого сговора; это было своеобразной чертой времени⁵. Так как ни Вордсворт, ни Колридж не были ярко выраженными сторонниками определенной партии, чтобы их произведения можно было критиковать по политическим мотивам, шквал агрессивных нападок критиков на творчество этих поэтов свидетельствует о том, как беспощадно они «подули холодным воздухом на оголенные нервы *Zeitgeist*»⁶.

Само название сборника «Лирические баллады» казалось странным, даже парадоксальным. Современников настораживала смелость авторов сборника, разрушавших границы между традиционной эпической формой баллады и лирическим жанром. В предисловии 1800 года, которому Вордсворт придал программный характер, открыто было объявлено об отказе следовать принятым нормам стихосложения. Трудно было не заметить намеренный вызов поэта. Произведения сборника, заявляет Вордсворт, были написаны с целью эксперимента, чтобы «установить, в какой мере, подвергнув метрической аранжировке подлинную речь людей, находящихся в состоянии явного возбуждения, можно передать характер их радости и ее степень, которые поэт сознательно постарается воспроизвести»⁷. Тем самым он выступает против «произвольных и прихотливых форм выражения», унаследованных от поэзии неоклассицизма, а также против сентиментально-готической манеры письма многих современных писателей, а именно против наскучивших романов ужасов, «болезненных и пустых» немецких трагедий, «лавины никчемных и нелепых рифмованных историй», написанных «витиеватым» и «бессодержательным» языком⁸.

Выбирая для своих стихотворений «случаи и ситуации из повседневной жизни» – «сцены из простой сельской жизни» – и утверждая, что «в этих условиях естественные душевные порывы обретают более благодатную почву для

⁵ Whalley G. *England/ Romantic-Romanticism // 'Romantic' and Its Cognates: The European History of a Word.* / ed. by H. Eichner ; University of Toronto Press. Toronto, 1972. 536 p. P. 218.

⁶ Ibid.

⁷ Вордсворт У. Предисловие 1800 года // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков* / сост. А.С. Дмитриев. М. : Высшая школа. 1980. С. 261.

⁸ Вордсворт У. Предисловие 1800 года. P. 264.

созревания», Вордсворт пытался возродить полемику между городом и деревней, между урбанизированным и сельским укладом жизни; в его поэзии слышались также мрачные отголоски Французской революции. Лирические произведения сборника, написанные на «подлинном языке людей», резко отличались от стилизованных ландшафтов в поэзии английских сентименталистов, рассматривающих природу сельской Англии сквозь призму снисходительной утонченности. В стихах Вордсворта просматривался мир человеческих страданий и несправедливости, жестоких уголовных наказаний и коррупции; мир, в котором рабство было не темой романтического произведения, а жуткой реальностью, приносящей прибыль. И даже несмотря на то, что эти темы не выходили на передний план ни в вордсвортовских поэмах, ни в журнальных отзывах на них, произведения сборника сложно было назвать лирическими: они казались странными, приводили в недоумение и поэтому привлекали к себе необыкновенно пристальное внимание критиков. «Во всем недоумении, – писал Кольридж в «Литературной биографии» о реакции критиков на «Лирические баллады», – была доля страха, который располагает ум к злобе»⁹. Как известно, злоба, какова бы ни была причина ее происхождения, не является инструментом критики, способствующим ясному восприятию искусства. В 1820 году анонимный обозреватель в рецензии на цикл сонетов «К реке Даддон» на страницах «Блэквудс мэгэзин» заявил: «Эта эпоха бесспорно дала целую плеяду выдающихся английских поэтов... Скотта, Байрона, Вордсворта, Саути и Колриджа... И тем не менее, если мы спросим себя, что в действительности говорилось... о каждом из этих поэтов, – с каким прискорбием мы должны будем ощутить всю никчемность критики самого переломного периода за всю предшествующую историю мировой цивилизации»¹⁰.

Критики, тем не менее, не смогли остановить постепенную перемену отношения читателей к поэзии Вордсворта. После прохладно встреченного сборника стихов 1815 года, вышел второй – в 1820 году, а затем, в 1824 году, и первое американское издание. Начиная с 1820 года журнальные обозреватели говорили о нем все более и более уважительно. После 1822 года, за исключением сборника «Снова в Ярроу» (*Yarrow Revisited*), 1835), Вордсворт не опубликовал ни одного значительного произведения. «Прелюдия» появилась только в год его смерти – в 1850 году. В ноябре 1822 года в заметке, опубликованной в «Эдинбургском обозрении», чувствуется нота облегчения и одновременно усталости: сражение закончилось; пыл критиков, вызванный дерзким провозглашением новой поэтической системы, иссяк: «Озерная школа поэзии, мы полагаем, уже практически прекратила свое существование. Кольридж, обладавший самым оригинальным гением среди основателей этого братства, уже давно к нему не принадлежит. Репутации братства он нанес серьезный удар, опубликовав после расставания с ним свою поэму «Кристабель» (в 1816 г.), которой все они восхи-

⁹ Coleridge S.T. *Biographia Literaria* : in 2 vols. / ed. by J. Shawcross. L. : Clarendon Press, 1907. Vol. 1. P. 52.

¹⁰ Wordsworth's *River Duddon*. May, 1820 *Blackwood's Magazine* // *The Romantics Reviewed: Contemporary Reviews of British Romantic Writers*. P. 206.

щались, когда она еще не появилась в печати, называя поэму вершиной творчества своей секты. Лавры оказались не вечны для творческой Музы Саути – и слава о его неисчерпаемом вдохновении, померкнув в церемониальных одах, навсегда угасла в написанной гекзаметрами поэме «Видение суда». Связь с придворной канцелярией наложила такой же отпечаток и на творчество м-ра Вордсворта. Его поэмы «Питер Белл» и «Возница», мы полагаем, несколько озадачили поклонников его таланта. Но с тех пор как он открыто принял должность откупщика и поменял компанию сборщиков пивов на сборщиков налогов, он стал писать в такой манере, которая одинаково неприятна как его старым друзьям, так и его прежним ученикам – какой-то скучный, помпезный, невразумительный слог»¹¹.

Причины, по которым Вордсворта, Саути и Колриджа стали называть «Озерной школой», или «поэтами-лейкистами», и каким образом они в одиночку и все вместе пытались опровергнуть несостоятельность этого термина, навязанного критиками, являются предметом отдельного исследования. В данной же статье мы лишь упомянем, что до тех пор, пока Вордсворт и Колридж оставались мишенью для критических нападок, поэты младшего поколения, хотя и находящиеся под несомненным влиянием творчества выдающихся предшественников, в целом получали гораздо более благосклонные отзывы. Но как только было официально объявлено, что «Озерная школа» прекратила свое существование, даже к Колриджу отношение критиков поменялось в лучшую сторону. Собрания поэтических произведений Колриджа, выпущенные в 1828, 1829 и 1934 годах (год его смерти), были встречены доброжелательными рецензиями, и даже сборник «Листы из книги Сивиллы» получил хвалебный отзыв на страницах «Эдинбургского обозрения». Поскольку именно Вордсворт, а не Колридж считался зачинателем литературной революции, этот факт привел к серьезным последствиям.

Когда в 1798 году вышло первое анонимное издание сборника «Лирические баллады», Колридж был более известен, чем Вордсворт, и считалось, что именно у него было больше шансов преуспеть на поэтическом поприще. В литературных кругах быстро установили имена авторов сборника и безошибочно приписали Колриджу «Сказание о старом мореходе». Во втором, расширенном, двухтомном, издании «Лирических баллад» имя Вордсворта было напечатано на титульном листе, и количество произведений, принадлежащих его перу, значительно увеличилось. Более того, Вордсворт переместил колриджевскую балладу с почетного места (именно «Сказанием о старом мореходе» открывалось первое эпохальное издание «Лирических баллад» 1789 года) в конец первого тома, туда, где раньше была поэма «Тинтернское аббатство». И несмотря на то, что Колридж внес существенные изменения в свою балладу специально для выпуска 1800 года, Вордсворт поначалу намеревался не включать ее в сборник, полагая,

¹¹ Memorials of a Tour. Nov., 1822 Edinburg Review // The Romantics Reviewed: Contemporary Reviews of British Romantic Writers. P. 496.

что колриджевская поэма помешала быстрой продаже первого издания¹². Таким образом, все последующие издания «Лирических баллад» начиная с 1800 года сложно назвать плодом соавторства двух выдающихся писателей. Менее чем два года спустя в письме к Саути Колридж заявил: «...хотя предисловие Вордсворта – это наполовину плод моего ума... я подозреваю, что между нами существует радикальное различие в теоретических взглядах относительно поэзии»¹³. Колриджа все более раздражало, что его имя постоянно упоминалось вместе с именем Вордсворта и его теорией поэтического языка. В 1808 году поэт даже написал ряд писем, адресованных Ф. Джеффри, наиболее яростному противнику Вордсворта, пытаясь размежеваться с «Озерной школой» поэзии¹⁴. Обосновать свою позицию и изложить тонкости расхождения во взглядах с бывшим соавтором Колриджу удалось лишь в 1817 году, когда вышла в свет его «Литературная биография», в основном написанная в 1815 году. Но уже было слишком поздно изменить сложившееся в литературной критике мнение относительно их творческого союза.

В представлении критиков, Вордсворт был «лидером» и «самым выдающимся украшением школы», в то время как Колридж считался «священником храма»¹⁵. Журнальные обозреватели, которые рассматривали Колриджа как поэта принадлежащего к одной «школе» с Вордсвортом, и высмеивали его (как и Вордсворта) за «слабоумный бред» провозглашенных в предисловии принципов, должны были намеренно игнорировать важную разницу между вордсвортовскими лирическими балладами и колриджевской поэмой «Сказание о старом мореходе», а также многие другие вопросы, связанные с творчеством этих поэтов, прояснить которые было бы сложно, если искать ответ в предисловии Вордсворта к «Лирическим балладам».

Название «поэты-лейкисты», однако, давало критикам возможность использовать определенные стилистические обобщения, некоторые из которых были вполне справедливыми и по которым можно было оценивать творчество других поэтов. Но пока Вордсворт считался «лидером школы», к его ярко индивидуальной личности было сложно подобрать точный термин. Без сомнения, происходила «революция», необходимо было найти подходящее название имевшим место событиям в литературе, но такого термина не нашлось. Поскольку поэзия лейкистов в начале XIX века принималась враждебно, можно предположить, что их литературные противники отстаивали неоклассицистические принципы, а, рассуждая о поэзии новой школы, современники Вордсворта и Колриджа не использовали название «романтиче-

¹² Whalley G. England / Romantic-Romanticism // 'Romantic' and Its Cognates: The European History of a Word. P. 226.

¹³ Coleridge S.T. The Collected Letters of Samuel Taylor Coleridge : in 6 vols. / ed. by E.L. Griggs. Oxford : Oxford Univ. Press, 1956–1971. Vol. 1. P. 627.

¹⁴ Berman D.S. The Seduction of System: The Critical Reception of William Wordsworth's Preface to Lyrical Ballads, 1800–1820 : diss. / University of Wisconsin. Wisconsin : Milwaukee, 1999. P. 11.

¹⁵ Whalley G. England / Romantic-Romanticism. P. 227.

ская поэзия» как термин идентификации определенного литературного стиля, похвалы или презрения.

В 1820 году в «Эссе об “Озерной школе”», опубликованном в «Нью Мансли мэгэзин», поэтическое творчество «школы» названо «нечистокровной поэзией». Говоря о поэтическом даровании Вордсворта, автор эссе отмечает «созерцательный и философский» ум поэта и сердце, «восприимчивое ко всем импульсам зримой природы». Отличительной особенностью его произведений критик называет «единение смысла и души»¹⁶. «В более удачные моменты этой мыслительной деятельности его (Вордсворта) поэзия, как мягкий осенний день, очень изменчива – то солнце, то тень – или, скорее, как мягкая лунная ночь, в которой предметы не становятся менее красивыми от того, что они менее различимы, а там, где видны, они видны даже более четко, чем при полном свете дня, а отдаленные пейзажи скрыты непроницаемой пеленой; и между тем эта таинственная завеса настолько сверкает, она настолько мягка и сочна, что, хотя мы и не можем видеть сами предметы, мы восхищаемся этой нарисованной дымкой, которая скрывает их от нашего грубого восприятия, своей богатой и деликатной текстурой»¹⁷. Это «романтическое» описание поэзии, однако, дано не без доли иронии, так как в продолжение своей мысли автор говорит: «Невозможно прочитать много страниц, не испытывая чувство отвращения к этой глупости, грубости, посредственности, манерности, эксцентричному образу мысли и ложной простоте, которые, когда не являются банальным детским лепетом, деградируют в разряд совершенного бреда...»¹⁸.

В отношении поэзии Вордсворта в период до 1822 года – наиболее плодотворный период его творчества – слово «романтический» употреблено три раза. Два из этих упоминания относятся к описанию природы: «Буйные, романтические просторы Швейцарии» в «Описательных зарисовках» (1793) и «красивые романтические пейзажи» в поэме «Белая Рильстоунская лань» (1816)¹⁹. В невероятной лестной рецензии на поэму «Прогулка» дан третий комментарий: «М-р Вордсворт обладает неким магическим даром, даже самую посредственную деталь он сделает достойной; самой обыденной черте он придаст изящество: что бы в «Природе, Человеке и Обществе» ни было нам безразлично до него, становится интересным и романтическим, когда попадает под его внимание»²⁰.

Однако именно вокруг имени Колриджа, а не Вордсворта начал выкристаллизовываться термин «романтическая поэзия», утверждает Г. Уолли, иллюстрируя свою гипотезу анализом несколько иного (более узкого и специфического) смыслового содержания термина «романтический» в журнальных рецензиях, написанных в тот период о поэзии Колриджа²¹. Так, в октябре 1819 года, рецен-

¹⁶ New Monthly Magazine (Oct. 1820) // An Estimate of William Wordsworth by his Contemporaries 1793–1822 / ed. by E. Smith. Oxford, 1932. P. 359–360.

¹⁷ Ibid. P. 360.

¹⁸ Ibid. P. 360–361.

¹⁹ Whalley G. England / Romantic-Romanticism. P. 230.

²⁰ Цит. по: Whalley G. England / Romantic-Romanticism. P. 231.

²¹ Whalley G. England / Romantic-Romanticism. P. 220.

зируя издаваемый Колриджем журнал «Френд», Д.Г. Локхарт высказывает следующий комментарий о лирическом стихотворении «Любовь»: «Вся суть его (Колриджа) поэзии более походит на музыку, чем любая другая поэзия, которую мы когда-либо читали... Любовь, которую он описывает наилучшим образом, это романтический и духовный порыв изумления... В той бесподобной любви, которой наделена его героиня Женестьева, гораздо больше эфемерной романтики, чем искренней нежности. Ее невысказанные чувства – это неизведанный мир... и все же поэма по праву может называться «Любовь», так как она достоверно передает все оттенки этого страстного чувства – его власть над человеческой душой так сильно зависит от пробуждения, пусть на какое-то время, идеи о бесконечном, ощущения универсального духа в бескрайнем море мыслей, не поддающихся определению...»²².

Более четкий смысл слову «романтический» придает Г.Н. Колридж в эссе, опубликованном в 1821 году. Пытаясь показать контраст поэзии Колриджа с Вордсвортом, он пишет: «Благодаря природному свойству его (Колриджа) гения, ему присуща тяга к удивительному, неизведанному и таинственному. Это качество, хотя и является отрицательной характеристикой, если поэт хладнокровно стремится к передаче правды, тем не менее, очень часто приводит к рождению наивысшей поэзии. К этому качеству он добавляет мощь языка поистине великолепного, более романтического, чем язык Вордсворта, и более гибкого и мелодичного, чем язык Саути»²³. В 1834 году, Г.Н. Колридж опубликовал в «Куортерли ревю» статью, которая может считаться первой сочувственной критической оценкой колриджевской поэзии. Известно, что племянник поэта Г.Н. Колридж записывал беседы Колриджа в течение двенадцати лет и к тому времени только закончил редактировать под руководством Колриджа последнее Собрание сочинений, опубликованное при жизни поэта. Статья появилась в августе 1834 года, месяц спустя после смерти Колриджа, но поэт, очевидно, читал и правил черновой вариант²⁴. В этой статье слово «романтический» употреблено применительно к колриджевским поэмам «Кристабель», «Сказание о старом мореходе», «Заполая». Термин «романтическая поэзия» уже потерял уничижительные оттенки, но Г.Н. Колридж еще не применяет его в отношении всей своей поэзии или в отношении поэзии всей «Озерной школы».

В 1831 году историк, прозаик и литературный критик Т.Б. Маколей в «Эдинбургском обозрении» размышляет о значении революционных изменений в литературе первой трети XIX века. Говоря о творческой судьбе Байрона, Маколей утверждает, что поэту «выпала участь жить и творить во время великой литературной революции», истинная природа которой «не была до конца осознана большинством из тех, кто принимал в ней участие». Далее Маколей делает неожиданный вывод: «В течение двух десятилетий после смерти Каупера (1800) революция в английской поэзии была полностью осуществлена. Ни один

²² Blackwood's (Oct. 1819): Coleridge: The Critical Heritage / ed. by J.R. de J. Jackson. L. ; N.Y., 1960. P. 450–451.

²³ Etonian (1821): Coleridge: The Critical Heritage. P. 463.

²⁴ Whalley G. England / Romantic-Romanticism. P. 232.

из писателей этого времени, даже В. Скотт, не внес такой вклад, как Лорд Байрон. И, тем не менее, Байрон способствовал революции против своего желания и с постоянным чувством самоупрека и досады... Он время от времени положительно отзывался о м-ре Вордсворте и м-ре Колридже, но нелюбезно и без радужия... Лорд Байрон... был посредником между двумя поколениями – между двумя враждебными сектами. Хотя он и высмеивал Вордсворта... Лорд Байрон основал своего рода экзотерическую «Озерную школу» поэзии и сразу покори́л всех ценителей поэзии в Англии и, мы можем сказать, во всей Европе. То, о чем М-р Вордсворт говорил как затворник, Лорд Байрон говорил как человек мира... с большей ясностью, энергией и выразительностью»²⁵.

Насколько влиятельным было это мнение, сказать сложно, но в нем прослеживается попытка связать два поколения романтиков (за исключением Китса) в одну литературную революцию, при этом все писатели той эпохи оказались объединены одним не очень подходящим названием – «Озерная школа».

В июле 1833 года У. Магинн в проекте «Галерея литературных портретов» назвал Колриджа «основателем романтической школы» поэзии²⁶. Даже если предположить, что У. Магинн употребил термин «романтический» в том же значении, что и Г.Н. Колридж, тем не менее, Магинн применяет его уже более широко, подразумевая сложившуюся «романтическую школу». Но то отличительное свойство поэзии С.Т. Колриджа, которое Г.Н. Колридж охарактеризовал пусть несколько схематично, было гораздо сложнее найти в поэзии Вордсворта. Возможно поэтому сам термин «романтическая поэзия» так долго не воспринимался по отношению к творчеству ярчайших представителей той эпохи. Ведь именно на литературных взглядах Вордсворта журнальные критики первой трети XIX столетия сосредоточивали свое внимание, когда писали о поэзии «Озерной школы» или о творческой практике других выдающихся писателей, впоследствии ставших представителями одного литературного направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Вордсворт, У. Предисловие 1800 года [Текст] // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А.С. Дмитриев. – М. : Высшая школа, 1980. – С. 261–278.

2. Халтрин-Халтурина, Е.В. Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма: романтические суждения о воображении и художественная поэтика [Текст]. – М. : Наука, 2009. – 350 с.

3. An Estimate of William Wordsworth by his Contemporaries 1793–1822 / ed. by E. Smith. – Oxford, 1932.

²⁵ Macaulay T.B. Review of Moore's Life of Byron // Edinburgh Review. 1831. June. N 53. URL : <<http://spenserians.cath.vt.edu/CommentRecord.php?action=GET&cmmtid=12249>>

²⁶ Coleridge: The Critical Heritage. P. 606.

4. Berman, D.S. *The Seduction of System: The Critical Reception of William Wordsworth's Preface to Lyrical Ballads, 1800–1820* : diss. / University of Wisconsin. – Wisconsin : Milwaukee, 1999.
5. Macaulay, T.B. *Review of Moore's Life of Byron* [Electronic resource] // *Edinburgh Review*. – 1831, June. – N 53. – Access : <<http://spenserians.cath.vt.edu/CommentRecord.php?action=GET&cmmtid=12249>>
6. Coleridge, S.T. *Biographia Literaria* : in 2 vols. / ed. by J. Shawcross. – L. : Clarendon Press, 1907. – Vol. 1. – XCVII ; 272 p. ; Vol. 2. – 334 p.
7. *The Romantics Reviewed: Contemporary Reviews of British Romantic Writers* / ed. by D.H. Reinman. Part A: 9. *The Lake Poets* : in 2 vols. – N.Y. ; L. : Garland Publishing, Inc., 1972.
8. Whalley, G. *England / Romantic-Romanticism // 'Romantic' and Its Cognates: The European History of a Word* / ed. by H. Eichner ; University of Toronto Press. – Toronto, 1972. – 536 p.